

ДА СВЯТИТСЯ!..

Как бродилось?

В мае — да по росам.

по вовсю цветущим медоносам,
по бутонам сизых медуниц.

Летом — по ромашковым покосам,
по медам, что мы шмелями носим
для иных лирических страниц.

Только так вразмашку и шагалось,
пелось и дышалось — насвеже...

В полдень пить хотелось. И усталость
со шнурками кед моих сплеталась
белой повиликой на меже.

Труден шаг, когда не только глотка, —
плечи жаждут: в воду окуни!

В эту пору лучшая находка —
звень колодца льдистая. В тени.

Подошел, прилег, — и губы с ходу
к той струе, что гору протекла.

Пить бы эту сладостную воду
из бокала тонкого стекла

там, где встречи ждущие с устами
молодых застольных королев,
словно лед, наколотый кусками,
рюмки с влагой мглятся, запотев.

Но пока — возрадуйся кринице
и прохлады столь в лугах испей,
что земля, — почувешь, — накрепится,
словно стол, от тяжести твоей.

И увидишь: травы — как леса,
каплет с них медвяная роса...

И опять, усталости не зная,
на лугу ромашки приминая,

ровно небожитель — облака,
знай себе вышагивай, пока
кроется поблизости земная
сахарная сладость родника.
В котловине, звончатой от гула
пчел и ос, подставив солнцу скулы,
радуйся, захлеба не тая,
что тебя нашла и не минула
чаша богатырская сия.
Я ее, земли родимой чашу,
нашей общей доли ендову,
и в беде, как ту ли медову
луга ледяную влагу нашу,
лишь губами трону — оживу.
Ведь о нем, об этом самом крае
(как иные-прочие — о рае),
где унынью места не дано,
только и жалела, умирая,
мать моя, затворница больная:
— Ах, еще бы летичко одно!..
С ней и я промолвлю: — Да святится! —
оттого, что слов заветней нет.
В них наказ и заповедь. Завет.
Если так у гроба говорится,
это значит: светел белый свет.
И об этом всюду и всегда я,
верен свету августа и мая,
буду петь, не зная февраля.
...Даром, что, к портъере припадая,
вспомнив про весеннего шмеля,
глянул я в окно, а там — седая,
сплошь седым-седая мать-земля.